

рассказы о добродетельных поступках писателя, свидетельствующие о том, что он был «так же пылок в порывах добра и благотворительности, как в порывах гнева». Однако существенно изменить его литературную репутацию не удалось. В первой половине XIX в. Сумароков становится «не в меру униженным писателем». Основную причину подобного отношения В. Г. Белинский видел в том, что «Сумароков уронил себя в потомстве более всего своим характером мелочным, самолюбивым, наглохвастливым».¹⁵ Именно такое представление о писателе было создано многочисленными преданиями, сделавшими в эпоху «забытой славы» Сумарокова несостоятельным по отношению к нему популярный тогда тезис (Бюффона): «Характер писателя весь в его творениях».

Этот феномен — во многом следствие свойственного русскому обществу середины XVIII в. и далекого еще от теоретических установок классицизма отношения к личности писателя и литературному труду.

Эстетика сентиментализма создала свое представление о писателе. Размышляя на эту тему, Н. М. Карамзин писал: «Говорят, что автору нужны таланты и знания: острый, пронизательный разум, живое воображение и проч. Справедливо, но сего не довольно. Ему надобно иметь и доброе, нежное сердце. . .»¹⁶

Биографические предания о русских писателях эпохи сентиментализма, возникавшие, как правило, в дружеском литературном окружении писателя, в значительной степени иллюстрируют приведенную выше мысль Н. М. Карамзина.

В качестве примера можно рассмотреть анекдоты об И. Ф. Богдановиче. Для читателя XVIII—начала XIX в. он был «русским Лафонтеном» («Вот Русский Лафонтен, нежнейший Ипполит, Который Душенькой всех души веселит»)¹⁷ Семантика этой стереотипной для литературного сознания XVIII в. формулы на исходе столетия стала более емкой, означая не только сопоставимость творчества двух писателей, но и их литературных репутаций.

Жизнеописания «добрého Лафонтена», на которые во многом ориентированы предания о И. Ф. Богдановиче, включали анекдоты, подобные следующему: «В жизни Лафонтеновой, кроме различных черт душевного его свойства, находим мы мало достопамятного. Он не имел присутствия духа, и это его слабость; равным образом невинная простота и тихость ему свойственны. В то время, когда он прослыл уже писателем, пригласил его один из главных казенных откупщиков к себе на ужин, думая, что гостям приятно будет быть с таким великим человеком, который написал столь хорошие басни и столь приятным слогом. Но после ужина увидели, что он за столом ничего почти не гово-

¹⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.; Л., 1956. Т. 10. С. 490.

¹⁶ Карамзин Н. М. Что нужно автору? // Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. Л., 1964. Т. 2. С. 120.

¹⁷ Друг просвещения. 1805. Ч. 1. С. 91 («Надпись к портрету И. Ф. Богдановича»).